ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД
HISTORICAL AND COMPARATIVE-TYPOLOGICAL LINGUISTICS AND TRANSLATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 43–51.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):43-51.

Научная статья

УДК 811.163.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ДИАКРИТИКА В ЭКЗЕГЕЗЕ КАК СРЕДСТВО УТОЧНЕНИЯ СМЫСЛА

Валерий Эдуардович Будейко[1], Ксения Евгеньевна Герасимова[2]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, boudeyko@gmail.com, 0000-0002-2706-8051

[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, doctor-river@mail.ru, 0009-0005-5171-8064

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о том, что одним из направлений, по которому проходило становление и развитие церковнославянского языка и его письменности, было развитие такого коммуникативного качества как точность, именно точность выразилась в сложной разработке диакритики и эстетики письма. Грамматика церковнославянского языка совершенствуется, разрабатывается до сих пор, и правила использования надстрочных знаков, точную систему использования которых во времена рукописных книг исследователи пока не разгадали, однако правила эти уточняются и определяются таким образом, чтобы привести эту систему письменности в непротиворечивое и ясное для современного понимания представление. И несмотря на то, что ещё в XVI в. система надстрочных знаков могла восприниматься и трактоваться как факультативная, и, следовательно, её исправления должны были в основном внести грамматическую ясность, логическую стройность в языковую систему и в письменный текст в частности, вместе с тем в статье рассмотрено предположение, что в ходе книжной справы XVII в. с течением времени представление о диакритических знаках как о необязательных изменилось на понимание их прямого смыслоразличительного предназначения. Таким образом, изучая историю книжной справы библейских книг и сравнивая надстрочные знаки, использованные в Острожской Библии (1581 г.) и Елизаветинской Библии (1751 г. и далее согласно последней редакции 1900 г.), можно убедиться в том, что их стали исправлять и использовать для уточнения смысла, необходимость которого обусловлена целями экзегезы, то есть символического понимания и доступного толкования.

Ключевые слова: диакритика, экзегеза, церковнославянский язык, Библия, Ветхий Завет, Елизаветинская Библия, Острожская Библия, анти́стих

Для цитирования: Будейко В. Э., Герасимова К. Е. Церковнославянская диакритика в экзегезе как средство уточнения смысла // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 43–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51.

Original article

CHURCH SLAVONIC DIACRITICS IN EXEGESIS AS A MEANS OF CLARIFYING MEANING

Valeriy E. Boudeyko[1] , Kseniya E. Gerasimova[2]

[1] Chelyabinsk State University; Chelyabinsk, Russia, boudeyko@gmai.com, 0000-0002-2706-8051

[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, doctor-river@mail.ru, 0009-0005-5171-8084

© Будейко В. Э., Герасимова К. Е., 2026

Abstract. The article hypothesizes that the formation and development of the Church Slavonic language and its written form tended towards accuracy, the accuracy found expression in the complex elaboration of diacritics and aesthetics of writing. The grammar of the Church Slavonic language is still being developed, and the rules for the use of diacritical marks, the precise usage system of which in the era of manuscripts has not yet been fully decoded by researchers, but these rules are being clarified and defined to bring this writing system into a consistent and clear form for modern understanding. And despite the fact that in the 16th-century, the system of diacritical marks could be perceived and interpreted as optional, therefore, its corrections were intended to bring grammatical clarity and coherence mainly to the language system and specifically to the written text. The article also considers the assumption that during the 17th-century book revision, the perception of diacritics as optional gradually evolved into an understanding of their direct meaning-distinguishing function. Thus, by studying the history of the book revision of biblical books and comparing the diacritics used in the Ostrog Bible (1581) and the Elizabeth Bible (1751, and further according to the last revision in 1900), we can see how the diacritical marks began to be corrected and used to clarify the meaning. The necessity is driven by the goals of exegesis, that is, symbolic understanding and accessible interpretation.

Keywords: diacritics, exegesis, church Slavonic language, The Bible, the Old Testament, the Elizabethan Bible, the Ostrog Bible, antistoikhon / *англ.* antistichos

For citation: Boudeyko VE, Gerasimova KE. Church Slavonic Diacritics in Exegesis as a Means of Clarifying Meaning. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):43-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51.

Введение

В истории книг Библии на церковнославянском языке можно проследить изменения в использовании диакритики, правила применения которой вырабатывались и продолжают вырабатываться до сих пор. Разработка правил использования надстрочных знаков может быть обусловлена разными целями, поскольку такие правила способствуют упорядочиванию грамматики церковнославянского языка, приданию красивого вида письменному тексту. Если проследить историю становления диакритики, то возможно увидеть, что со временем не только формальная сторона текста благодаря единой грамматике, но и стремление к точности в выражении смысла стало одним из основных направлений, в соответствии с чем производились исправления и изменения в системе надстрочных знаков.

Точность текста важна для осуществления экзегезы, а достижения экзегезы отражаются в переведённом тексте. Экзегеза — это разбор, объяснение или истолкование каких-либо текстов, в особенности Библии. В нашей статье под экзегезой понимается именно толкование текста Священного Писания. Экзегеза является одной из ступеней изучения Библии, среди которых есть текстология, исагогика и перевод. Для достижения высокого уровня понимания экзегеза пытается проникнуть в суть текста разными методами: буквально-историческим, нравственным, теоретическим, типологическим и аллегорическим [19].

Известно из истории Священного Писания, что текст на древнееврейском языке был частично испорчен или утрачен во время Вавилонского плена, уцелевшие фрагменты были собраны, исправлены иудейским священником Ездрой в V в. до Р. Х., а в III в. до Р. Х. древнееврейский текст был переведён на древнегреческий [1]. Таким образом, труды и толкования учёных проводятся уже на основе восстановленного текста, поэтому могут возникать различные трудности понимания, начиная с того, что значение одного и того же слова со временем может измениться, а разные части Библии были написаны в разное время. Возможен и неправильный перевод с языка оригинала [9; 14, с. 37–55]. По этой причине распространённым и общепринятым методом экзегезы является историко-грамматический или историко-филологический метод, устанавливающий смысл библейского текста в историко-культурном влиянии с учётом мировоззрения автора на основании лингвистического анализа. Для осуществления такого метода экзегезы от учёного требуется знание истории и «жизненного контекста», с которыми связаны библейские рукописи, а также учёт филологических исследований, приближающих к пониманию того, что именно хотели выразить словами составители священных книг [19].

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления имеющегося текстологического и эмпирического материала через призму диалектического единства статики и динамики в процессе становления церковнославянской письменности русского извода. Этой задачей подчёркивается необходимость обобщающей методологии, учитывающей статические и динамические характеристики Библейского

текста на церковнославянском языке в его соответствии тексту церковной греческой Библии.

Цель статьи — обосновать целесообразность использования церковнославянской диакритики, применяемой для уточнения смысла в текстах, изобилующих символизацией, выявить диалектическую связь синхронического и диахронического аспектов исследования Библейского текста.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составляют работы А. А. Алексеева, А. Д. Большакова, В. Э. Будейко, А. С. Десницкого, М. С. Крутовой, Е. А. Кузьминовой, Т. А. Левшенко, В. А. Саврей. Современная библейская экзегетика рассматривает синхронический и диахронический методы как основополагающие подходы лингвистического исследования наряду со сравнительным, сравнительно-историческим, структурным, функциональным и графико-семантическим методами [5; 6]. В основу исследования положено понимание церковнославянского текста как сложной системно-структурной совокупности, характеризующейся одновременно стабильностью и относительной динамичностью, что предполагает важность изучения языковых явлений в синхронии и в аспекте диахронического становления. Принципиальное значение имеет утверждение, что диахронические изменения носят системный характер и не могут быть адекватно поняты вне учёта синхронического состояния текста.

В области экзегетического понимания методологической основой исследования служит работа, заложившая основы анализа и синтеза смыслов Библейского текста [1; 9], а также труды по теории знакового анализа буквенной многозначности и диакритических знаков в церковнославянском письме [7]. Существенное значение для разработки методологии исследования имеют принципы описания текстового, графического материала, предложенные В. Э. Будейко, в частности понятие многозначности буквы как меры приложения смысла к основным и факультативным значениям буквы как письменного, очевидного знака [7]. Учитывая сложный, многомерный характер объекта исследования, методологическая основа нашей работы включает положения В. В. Колесова о системном подходе в изучении знака, связанного со словом [10].

В работе используются следующие общенаучные методы: **описательный метод** для первичной систематизации текстового материала; **сравнительно-сопоставительный метод** (для выявления сходств и различий в графике текстов разных исторических периодов); **метод графико-семантического предметного значения** для понимания цели использования графического знака или графического материала по различным основаниям; **метод обобщения** для формулирования выводов на основе анализа излагаемых фактов.

Результаты исследования и их обсуждение

Диакри́тика — это система надстрочных знаков, включающая в церковнославянском языке акцентные знаки и титла. Как пишет А. Д. Большаков, диакритические знаки использовались в среднегреческом языке, основой же для составления славянской азбуки стал церковный греческий опыт Византийского периода (330–1452 гг.), поэтому эти единицы греческого письма были заимствованы, но заимствование несло и калькирующий, и творческий характер [2, с. 251–266]. Эти знаки из среднегреческой письменности перенесли в восточнославянскую чрез южнославянские рукописи в начале XV в., но даже в XVI в. строгая норма их использования так и не была кодифицирована, ибо:

а) у этих рукописей не было единой системы использования диакритики, принципы использования в разных скрипториях были разные;

б) на Руси было несколько мест книгописания и книгоиздания, у каждого сформировались свои традиции, свои правила, принципы, зависящие от писцов и справщиков;

в) система надстрочных знаков воспринималась как дополняющая основной буквенный текст.

Это привело к тому, что длительно в церковнославянском языке в отдельных центрах книгоиздания слагались свои системы диакритики, а первые грамматические руководства вместо правил приводили перечень примеров использования, при этом в разных руководствах было разное количество знаков [14, с. 22–29].

Проследить процесс происхождения и становления диакритики можно благодаря истории переводов, редакций богослужебных книг и книг Священного Писания на церковнославянском языке.

Среди славянских языков первым языком, на который была переведена Библия, — церковнославянский. Первыми переводами IX в. были «Евангелие Апракос», «Апостол», Псалтирь, Паремийник, а основой для перевода, как пишет М. С. Крутова, стал текст среднегреческой Септуагинты в редакции, выполненной Лукианом Антиохийским (кон. III — нач. IV вв.), где эллинизмы были исправлены аттикизмами [11, с. 236–280]. В дальнейшем перевод текстов Священного Писания исправлялся, и в большинстве своём древнерусская библеистика

сосредоточилась на переводах и исправлениях списков священных книг[1].

Процесс переиздания и исправления церковнославянских переводов Священного Писания сопровождался и совершенствованием церковнославянской грамматики, но в период первых рукописных книг она ещё не отличалась системностью. С одной стороны, при подготовке нового варианта перевода Библии могли особо готовиться теоретические пособия по грамматике, а с другой стороны, в ходе перевода справщиками вносились грамматические изменения, не предусмотренные грамматикой, но оказавшиеся необходимыми на практике. Таким образом, новые правила церковнославянского языка вырабатывались не только в теории, но и на основе письменного применения.

В период рукописных книг Священного Писания совершались ошибки, переводческие неточности, которые при дальнейшем переписывании исправлялись. И тем не менее тексты отдалялись от первоначальных, так что в 1518 г. князь Василий III для редактуры вызвал Максима Грека, а позднее, в 1551 г. на дело книжное обратил внимание Стоглавый собор, который, не одобряя исправления Библии, возлагал надежды на старые книги, дабы, сверяя новые книги с древними и греческими церковными, избегать искажений. Церковнославянская первопечатная Библия 1581 г. была подготовлена князем Острожским и напечатана Иваном Фёдоровым, и, как пишет Е. А. Кузьминова, в ней постановка надстрочных знаков была неупорядоченной (без акцентных знаков над полноударными словоформами, над словами иной раз стоят одновременно оксия и вария, встречаются варианты диакритического оформления одной словоформы) [14, с. 21–28], позднее на данном тексте основывалась Московская Библия 1663 г., издание, поддержанное царём Алексеем Михайловичем и осуществлённое справщиками во главе с Епифанием Славинецким (ок. 1600 – † 19.11.1675). Благодаря этому тексту переиздаётся грамматика Мелетия Смотрицкого на Московском печатном дворе в 1648 г., на основе её должны были проводить книжную справу. И хотя в распоряжении справщиков была грамматика, большую часть из представленных Мелетием Смотрицким правил пришлось переделать, включая главу, объясняющую правила титлования. Итак, в Московской Библии провели перестройку графико-орфографической системы Острожской Библии, в том числе и диакритики: в новом тексте регулярно используются камора (◌̂), знак придыхания (◌̓ звательце), удвоенный знак над ижицей («двоточие») и простое титло (◌̿), здесь их использование пытались обосновать и систематизировать.

Так, камора в Московской Библии используется для обозначения родительного падежа мужского, женского и среднего родов, а также для раскрытия родительного падежа множественного числа в титлованных написаниях существительных *несакральной* семантики. Московские справщики отказались от использования каморы над частицами, союзами и формами местоимений, после коих стоит самостоятельная словоформа со знаком ударения того или иного вида, отказываются и от использования каморы в формах местоимений, где по грамматике была предусмотрена вария, знак придыхания убирают в средине слова после гласной, используют двоеточие (кендему) над ижицей (◌̈) для обозначения звука [и], восстанавливают этот знак там, где он не применялся ранее, но заменяют на оксию, если ижица является ударным звуком (◌́). В Острожской Библии много слов, написанных под титлом, в Московской же Библии убирают титла над словами так называемой *несакральной* семантики [13, с. 392–393]. Так, книжная справа Московской Библии направила свои усилия на грамматическую обусловленность и уточнение значения слов.

Если одна часть исправлений проводилась на основе грамматики 1648 г., то другая часть с ней не была связана. В грамматике Мелетия Смотрицкого 1648 г. не сказано про использование а́построф (◌̓) в антистихе. В Острожской Библии в книге Бытия, гл. 1, стих 22 подобный знак используется как совпадение тяжёлого ударения со звательцем: Ѳ҃бл҃вн ѧ̓ бг̿ гл҃ѧ , рдстѝтесѧ̓множѝтесѧ; заметим, что анти́стих — это принцип орфографической дифференциации омонимов разных уровней: от различения грамматических признаков до частей речи и лексем. А. Д. Большаков указывает, что в XV в. Константин Костенецкий / Констенческий [8, с. 10] взял этот принцип из среднегреческой системы письма, где антистих сохранял указание на этимологию слов-омонимов, и перенёс в русло семантики. Хотя, как уже было отмечено, в грамматике 1648 г. об использовании апострофа для образования антистиха не сказано, он используется в данном значении уже начиная со Служебника 1655 г. Часто апостроф используется для различия числовой омонимии в формах двойственного или множественного числа,

[1] Мень, А. В. Библиологический словарь / Протоиер. А. Мень. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 3 (Р–Я). С. 63–70, 82–88, 98–99.

а также для различения частей речи. Данный знак-апостроф появился непосредственно в трудах справщиков Московского печатного двора; следовательно, при возникающей неопределённости редакторы руководствовались собственными языковыми представлениями, выработанными практикой. Часть правил разрабатывалась справщиками в богослужебных книгах, а потом была закрепляема в грамматиках, то есть пришла в теорию из практики. Возможно, что потребностью справщиков для перестройки системы надстрочных знаков было представление, что буквы, являясь знаками, должны обеспечивать надёжное закрепление смысла [4, с. 88–125; 5, с. 111–118].

Текст Елизаветинской Библии, изданной в 1751 г., сложился благодаря дальнейшему движению книжной справы на основе никоно-иоакимовской редакции, и работа над исправлением грамматики продолжалась.

Предполагаем, что в становлении правил применения диакритики потребность в уточнении была одной из важных задач, которую решали справщики, переиздавая Священное Писание, поэтому на материале этих текстов есть возможность проследить, как диакритика, помимо иных коммуникативных задач, работает на уточнение смысла.

В качестве примера рассмотрим текст книги Бытия из Острожской Библии[1], где в стихах 1–3 главы 1 читаем:

И҆ско́ни сътворѝ бг҃ъ нб҃о и҆зе́млю . землѧ́же бѣ̀ неви́дима и҆неоу҆краше́на . и҆тмѝ ве́рхꙋ безд҃ны . И҆дх҃ъ бж҃їи ноша́шесѧ ве́рхꙋ водѝ . и҆рѣ̑ бг҃ъ , ˘ дабꙋ́детъ свѣтъ , и҆бы́сть свѣтъ .

Отметим, что в Острожской Библии ещё отсутствуют разделения на стихи в главах, поэтому ссылаемся на разделение в Елизаветинской редакции. Две косых чёрточки с наклоном влево указывают на сноски, печатающиеся на полях, как параллельные места в иных главах Библии. Иначе, по сравнению с текстом Елизаветинским, выглядит буква-знак «твердо», состоящий из трёх вертикальных мачт, прикрытых прямой крышкой. Над словом **свѣтъ** нет знака острого ударения (оксии), поскольку предполагается, что «ять» имеет двоегласное произношение [ⁱе]. Над глаголом «**бѣ**» стоит знак «**камо́ры**», т. е. знак ударения, подобный знаку в среднегреческой письменности (как циркумфлекс / облечённое ударение, *грч.* ἡ περισπωμένη). По техническим причинам мы не можем воспроизвести точное место в оригинале (где он стоит между согласной и конечной гласной буквою), за ним же закреплено фонетическое значение восходяще-нисходящего удлинения конечной гласной слова. Между знаками препинания есть небольшие пробелы (как знаки пауз), чего не будет в Елизаветинской редакции[2]. Знак (каморы) в последующих стихах встречается не однажды: **ꙗ҆́же бѣ̑ на̑тве́рдїю** [Быт. 1: 7]; **И҆сътворѝ бг҃ъ двѣ̑ свѣти́лѣ** [Быт. 1: 16]; **и҆всѧ̑ га́ды землѝ поро́дꙋ и҆̑** [Быт. 1: 25]; **се̑ да́хъ ва́мъ всѧ́кꙋ травꙋ̀ сѣмен́нꙋю сѣю̑ще сѣмѧ** [Быт. 1: 29] и т. п.[3] Синтагмы набраны без пробелов: **и҆зе́млю , землѧ́же , и҆неоу҆краше́на , И҆дх҃ъ , и҆рѣ̑ , дабꙋ́детъ**[4]. Набор знаков составлен так, словно это руководство для особого чтения с паузами, указанными графическими пробелами и знаками препинания. В Елизаветинской Библии, редакции 1900 г., видим иную графическую картину:

Въ нача́лѣ сотворѝ бг҃ъ не́бо и҆ зе́млю. Землѧ́ же бѣ̀ неви́дима и҆ не_ꙋстро́ена, и҆ тмѝ верхꙋ̀ бе́здны, и҆ дх҃ъ бж҃їй ноша́шесѧ верхꙋ̀ водѝ. И҆ речѐ бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ. И҆ бы́сть свѣ́тъ.

В этом тексте[5] есть замены: **Въ нача́лѣ** вместо древнего наречия **И҆ско́ни.** Вместо причастия **не оу҆краше́на – не_ꙋстро́ена** (со слитным написанием частицы и причастия), используется буква **и҆**, двоеточие и прописные буквы там, где в Острожской редакции идут строчные буквы. В качестве знака ссылки используется шестиконечная звёздочка (*). Употребление камо́ры / варі́и в данном случае образует форму аориста глагола **бы́ти**, то есть глагола 3-го лица ед. числа, когда временные границы действия соединены с настоящим временем, выражая единовременное или мгновенное творение. Глаголы **бѣ̀** и **бы́сть** противопоставляются по виду: несовершенный и совершенный вид аориста, чего невозможно передать по-русски.

[1] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1.

[3] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Там же.

[5] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1.

Обратим внимание на соответствие этого символического и многозначного начала тексту Септуагинты[1] [Быт. 1: 1–3]: [1]. Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. [2] ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος, καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου, καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος. [3] καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς. — здесь аористному глаголу **бѣ̀** соответствует ἦν, глагол «быть» (εἰμί) в форме единственного числа 3-го лица прошедшего времени имперфекта. Очевидно, что у глагола среднегреческого языка и церковнославянского из Елизаветинской Библии совпадает форма времени, вида и лица, следовательно, использование варии в Елизаветинской Библии помогло уточнить смысл глагола бы1ти, однако не в полной мере, так как глагол ἦν — это форма имперфекта, а не аориста, но значение имперфекта ἦν «указывает на длительное вневременное существование и противопоставлен ἐγένετο» [18, с. 307], именно поэтому присутствует такое грамматическое и переводческое несоответствие аориста и имперфекта, восходящее к древнему переводу IX в., кирилло-мефодиевской редакции, где перевод глагола аористом точнее, так как аорист в церковнославянском языке подразумевает временные границы мгновенного действия, не определяемые и соединяемые с настоящим временем, уточняя временные границы действия.

Рассмотрим стих 9 первой главы Книги Бытия[2]: **И҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆́же под̾ небесе́мъ, въ собра̑нїѧ своѧ̑, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша.** [Быт. 1: 9].

В Елизаветинской Библии над словами **въ собра̑нїѧ своѧ̑** стоят каморы, в то время как в Острожской Библии[3] читаем:

И҆събра́сѧ вода̀ ꙗ҆́же по̑нб҃семъ въсонмы своѧ̀ , і҆ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша . Своѧ̑ — это притяжательное местоимение, над ним в Острожской Библии стоит варі́я, предположительно, согласно правилу о произношении: ударение падает на последнюю гласную в слове, так что звук при чтении удлиняется. Редакторы Елизаветинского текста использовали камору, дабы чрез неё отличить форму вин. п. мн. ч. ср. р., так как буквенное написание этого слова совпадает во многих формах и необходимо их отличать от им. п. ед. ч. ж. р. (**своѧ̀**), так как местоимение согласуется со словом **собра̑нїѧ.** В Септуагинте используется форма родительного падежа множественного числа αὐτῶν, отличаемая от определительного местоимения αὐτός, выражая невозвратную притяжательность, что можно перевести словом «их»: καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν, καὶ ὤφθη ἡ ξηρά [Быт. 1: 9][4].

Подобным образом в Елизаветинском тексте[5] камора служит различению форм числа в словах: **свѣти̑ла** (им. п. двойственного числа) и **вели̑кїѧ** (вин. п. множественного числа), отличая их от форм **свѣти́ла** (им. п. множественного числа) и **вели́кїѧ** (род. п. единственного числа ж. р.). В Острожском тексте в данных словах употреблена оксия (Книга Бытия, гл. 1, стихи 14, 21), а её постановка не несёт понимания текста, ибо в главе указано, что Бог создал именно два светила, а не множество, а слово **вели̑кїѧ** характеризует слово **ки́ты**, которых было создано больше одного или двух. Однако в Острожской редакции слово тв. п. **«не́бо»** с предлогом **«подъ» по̑нб҃семъ** титлуется как священное слово.

Ещё примером может быть различие в написании **ꙗ҆̀же** (Елизаветинская Библия) / **ꙗ҆́же** (Острожская Библия). Читаем стих 21 главы 1 Книги Бытия Елизаветинской Библии: **И҆ сотворѝ бг҃ъ ки́ты вели̑кїѧ, и҆ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ꙗ҆̀же и҆зведо́ша во́ды по родѡ́мъ и҆́хъ, и҆ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ.** [Быт. 1: 21][6]. Где **ꙗ҆̀же** — относительное местоимение, над коим в Острожской Библии стоит исо (ˇ), а в Елизаветинской редакции а́построф создаёт антистих, помогающий различать форму вин. п. мн. ч. **ꙗ҆̀же** (согласование со словом **гадѡ́въ**) от формы им. п. ж. р. ед. ч. **ꙗ҆́же (вода̀ ꙗ҆́же)**..

Этот же текст в Острожской редакции выглядит так: **Исътворѝ бъ ки́ты вели́кїа , и҆всѧ́кꙋ дш҃ꙋ живо́тны̑х гд҃а ꙗ҆́же и҆зведо́ша во́ды поро́дꙋ и҆́хъ , и҆всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ поро́дꙋ .** Заметим, что слово **дш҃ꙋ** титлуется простым титлом [Быт. 1: 21][7].

---

[1] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1.

[2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1–2.

[3] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1–2.

[5] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1–2.

[6] Там же.

[7] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

В церковномъ греческом печатном тексте (ср. современные редакции) слова не титлуются, и этому слову ꙗ҆̀же соответствует относительное местоимение ἃ[1]:

[21]καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὰ κὴτη τὰ μεγάλα καὶ πᾶσαν ψυχὴν ζῴων ἑρπετῶν, ἃ ἐξήγαγεν τὰ ὕδατα κατὰ γένη αὐτῶν, καὶ πᾶν πετεινὸν πτερωτὸν κατὰ γένος [Быт. 1: 21][2].

[1] Вейсманъ, А. Д. Греческо-русскій словарь. Репринт 5-го изданія. / А. Д. Вейсманъ. Санкт-Петербург: Изданіе автора, 1899. 1370 ст.

[2] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1–2.

Заключение

Таким образом, наше предположение подтверждается: если сравнить между собою диакритические знаки, использовавшиеся в текстах Острожской и Елизаветинской Библии, опираясь на греческую Септуагинту, то очевидно, что одним из направлений, по которому проходило становление, исправление и систематизация правил использования диакритики, было движением к точности грамматического смысла, выражаемого посредством графики надстрочных знаков (диакритики), сама же необходимость подобного становления была обоснована требованиями экзегезы Священного Писания.

Список источников

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом), Славян. библейс. фонд. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
2. Большаков А. Д. Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулированию общего правила // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 251–267.
3. Большаков А. Д. Апостроф как средство устранения числовой омонимии по принципу антистиха // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 5–20.
4. Будейко В. Э. Церковнославянский язык: начальный курс. Часть I. История. Письмо: азбука, графика. Элементы фонетики и орфоэпии : учеб. пос. Изд. 10-е, доп., исправ. Челябинск : Издатель Валерий Будейко, 2024. 158 с.
5. Будейко В. Э. Церковнославянский язык: В҃ – вѣ́ди. Начала словообразования и морфологии : учеб. пос. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. 146 с.
6. Будейко В. Э. О некоторых аспектах исследования графики церковнославянских и русских слов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 125. 2021. № 7 (453). С. 22–32.
7. Будейко, В. Э. Модель описания церковнославянской / русской буквы // Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований: материалы V Юбилейной международной научно-практической школы-конференции «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» (Москва, 1–3 ноября 2023 г.): коллективная монография ; отв. научный ред. и сост. С. В. Феликсов. Москва : Перервинская духовная семинария, 2024. С. 74–88 [Электронный ресурс]. URL: https://ppds.ru/elib/filologia-i-theologia-pds-2024.pdf.
8. Гамановичъ іеромонахъ Алипій. Грамматика церковно-славянскаго языка. Репринтное воспроизведеніе изд. 1964 г. Москва : Художественная литература, 1991. 271 с.
9. Десницкий А. С. Типичные ошибки экзегетов // Альфа и Омега. 2009. № 56.
10. Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка : монография. СПб. : Logos, 2007. 384 с.
11. Крутова М. С. Библейские переводы текстов Священного Писания в России: важнейшие списки и типы // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 236–281.
12. Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В. Грамматические предписания и их рекомендации в церковнославянской книжности второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 175–188.
13. Кузьминова Е. А. Диакритика как объект книжной справы (на материале псалтыри в составе Московской Библии 1663 г.) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 392–393.
14. Кузьминова Е. А., Чан Юйнай. Московская Библия 1663 г.: тенденции справы знаков препинания и диакритики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 20–30.
15. Кузьминова Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

16. Кузьминова Е. А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 2. С. 40–49.

17. Левшенко Т. А. Графико-орфографическая система богослужебных книг. Справочные материалы и методические рекомендации // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 1, 2, 6, 7, 9, 10, 12.

18. Роджерс-младший К. Л., Роджерс III К. Л. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2001. 1007 с.

19. Саврей В. А. Экзегеза Библии в церковной традиции // Современная библеистика и Предания Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/ 4# source (дата обращения: 26.09.2025).

References

1. Alexe'ev AA. Textology of Slavonic Bible. RAS. In-t Russ. Lit. (Pushkin. Dom), Slav. Bibl. Fund. Sanct-Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 254 p. (In Russ.).

2. Bolšakov AD. Differentiation of homoforms in singular and non-singular number of declinable parts of speech in Church Slavonic language: to the formulation of general rule. *Sibirskiy filologičeskiy žurnal [Siberian philological journal]*. 2022;(1):251-267. (In Russ.).

3. Bolšakov AD. Apostrophe as means for elimination the numerative homonymy according to principle of antistoikhon. *Vestnik VolGU [Bulletin of the Volga State University]. Series 2. Linguistics.* 2023;22(4):5-20. (In Russ.).

4. Boudeyko VE. Church Slavonic language: initial course. Part I. History. Script (writing) : alphabet, graphics. Elements of phonetics and orphoepy. Publ. 10, addit., correct. Čel'abinsk : Publisher Valeriy Boudeyko, 2024. 158 p. (In Russ.).

5. Boudeyko VE. Church Slavonic language : В҃ – вѣ́ди. Principles of theory of word-formation and morphology : text-book. Čel'abinsk: Publishing house of Chelyabinsk state university, 2026. 146 p. (In Russ.).

6. Boudeyko VE. Some aspects of investigation of Church Slavonic and Russian words graphics. *Vestnic Čel'abinskago gosudarstvennago universiteta. Filologicheskiye nauki. Vypusk 125. [Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philological sciences. Issue. 125.].* 2021;(7(453):22-32. (In Russ.).

7. Boudeyko VE. The Model of Church Slavonic / Russian letter description // Philology and theology : actual problems of interdisciplinary investigations : materials for V Anniversary international scientific-practical school-conference «Language — Literature — Orthodoxy» (Moscow, 1–3 November 2023): collective monography / responsible scientific red. and compiler SV Felixov. Moscow : Perervinskaya spirit seminary, 2024. P. 74–88. URL: https://ppds.ru/elib/filologia-i-theologia-pds-2024.pdf. (In Russ.).

8. Gamanovich ieromonk Alipiy. Grammar book of Church Slavonic language. Reprint publ. 1964. Moscow: Chudožestv'ennaya literatura [Bélles-léttres], 1991. 271 p. (In Russ.).

9. Desnitsky AS. Typical mistakes of exegetes. *Alpha and Omega.* 2009;56. (In Russ.).

10. Kolesov VV. Realism and nominalism in Russian linguistic philosophy : monography. St-Petersburg : Logos, 2007. 384 p. (In Russ.).

11. Kroutova MS. Biblical translations of Holy Bible texts in Russia: the most important copies and types // *Christianstvo na Bližnem Vostoke [Christianity in the Near East]*. 2023;7(1):236-281. (In Russ.).

12. Kouz'minova EA, Pentkovskaya TV. Grammatical orders and their recommendations in Church Slavonic bookishness of second half of XVII century. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2019;(4):175-188. (In Russ.).

13. Kouz'minova EA. Diacritic as the object of bookish correction [the správa] (in material of Psaltirion in Moscow Bible 1663. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education].* 2021;(5(90):392-393. (In Russ.).

14. Kouz'minova EA, Chan Yuynai. Moscow Bible 1663 year: Tendencies of correction [správa] to pointing marks and diacritic. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2024;(5):20-30. (In Russ.).

15. Kouz'minova EA. The principle of antistoikhon in Slavonic grammar tradition. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2011;(5):36-55. (In Russ.).

16. Kouz'minova EA. «Dictionary of difficulty» of Church Slavonic language XVII century. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2016;(2):40-49. (In Russ.).

17. Levshenko TA. Graphiko-orthographical system of liturgical books. Reference materials and methodical recommendations. *Žurnal Moskovskoy Patriarchii [Periodical of Moscow Patriarchy].* 2015;(1, 2, 6, 7, 9, 10, 12). (In Russ.).

18. Rogers CL Jr, Rogers III CL. The New Linguistic and Exegetical Key to the Greek New Testament. St-Petersburg: Biblia dl'a vsech [Bible for all], 2001. 1007 p. (In Russ.).

19. Savrey VA. Exegeza of Bible in Church tradition. The modern bibleistica and Church tradition. [site] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/ 4# source (date of access: 26.09.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

В. Э. Будейко — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

К. Е. Герасимова — магистрант кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

V. E. Boudeyko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Faculty of History and Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics.

X. E. Gerasimova — Magistrant of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.